

Валуев Олег Сергеевич

ДЕТСТВО НАДО ОТПУСКАТЬ. ПСИХОЛОГИЯ МЕТАОБРАЗОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В МЕДИЙНОМ МИРЕ

Ключевые слова: метаобразование, метакультура, медиамир, медиакультура, метамир, человек, свобода, ответственность, детство, глобализация, жизнетворчество.

В работе на основании экзистенциального подхода в философии и психологии раскрыто представление о метаобразовании как образовательной практике «онтологического дизайна»; дано понятие о субъективной, объективной и целостной глобализации; критически проанализирована современная медиакультура, охарактеризована её роль в образовании будущего, построении метакультуры и метамира; приведены экзистенциальные предпосылки развития метаобразования.

Keywords: metaeducation, metaculture, media-world, media-culture, metaworld, human, freedom, responsibility, childhood, globalization, lifecreativity.

The work is revealed the idea of metaeducation as an educational practice «ontological design» on the basis of the existential approach in philosophy and psychology; the concept of subjective, objective and holistic globalization given by the author of the article; critical analysis of contemporary media-culture, its role in the education of the future, building metaculture and metaworld is characterized; the existential background for development of metaeducation given.

К 95-летию со дня рождения Д. Родари

Человечество в XXI столетии находится в поиске технологий, способных радикально трансформировать медиа-культуру, перестроить её для превращения медиа-мира в метамир на основе метаобразования. Жизнь в начале третьего тысячелетия находится в постоянном изменении, что заставляет меняться человека, психологически не готового к подобной динамике и широте открывающихся возможностей. Приближение к краю грохочущей бездны неопределённости усиливает и без того затянувшиеся онтологический и экзистенциальный кризисы

XX века. «Жизнь в состоянии неопределённости – это проблема, которая так или иначе затрагивает каждого человека и все социальные, а не только обучающие организации» [14, с. 353]. Неопределённость «размывает» реальность, затуманивает её. Предельность мира стала восприниматься как иллюзия: отсутствие пределов, «жизнь без тормозов» – вот девиз современного общества. Это период нарастания когнитивной сложности в элитарных кругах интеллигенции, развития коллективных форм мышления и взаимодействия, вырабатывающих программы развития всего человечества, обеспечивая тем самым не только (и не столько) перспективный курс государственного или глобального развития, сколько обеспечивая психологическую защищённость и безопасность отдельных сообществ, расставляя на пустой дорожной карте будущего сквозные ориентиры. Общество желает перемен, активно выражая свои надежды и мечты в онлайн-режиме с планетарным резонансом. Поэтому будущее образования и культуры есть будущее человеческой мечты.

Свободу мечтаний составляет память о детской невинности в нас, онтологическое откровение, за которое каждый в ответе. Этот великий дар высших сил человеку определяет направление и качество его бытия, перспективы грядущего существования. Детские мечты и мечты взрослых отличаются друг от друга: первые – спонтанны, вторые – запланированы; первые – безответственны, вторые – ответственные; первые – откровенны, вторые – сокрыты; первые – свободны, вторые – порабощены; первые – невинны, вторые – повинны, первые – о будущем, вторые – о прошлом. Пора мечтать живёт спиралевидно.

Глобализация в человеческом мире случилась объективно (политически, экономически, социально, культурно, технологически и т. д.), но, видимо, ещё не наступила субъективно (субъектно, личностно, событийно, повседневно, экзистенциально и т. д.). «Человечеству хочется, чтобы и взаимодействия между людьми работали так же надёжно, как машина, а для этого требуется механизм управления... Идеал машины управления – это тотальная управляемость» [11, с. 297]. Метафора «технокультуры» сегодня объясняет многие социокуль-

турные процессы и явления [28]. Э.В. Ильенков считал, что «без техники нет цивилизации – это её костяк, её скелет. Техника – драгоценнейшее достояние человека, его богатство, которое надо беречь и множить» [8, с. 110]. Однако, стоит помнить, что машина не просто упряма, она беспощадна: технический прибор не обладает нравственностью или иными социальными регуляторами поведения, действует исходя из программы, заложенной в него, а, значит, на основании той функции, которой предназначен управлять. Машина – «терминатор», не знающий боли и усталости: она «хочет, чтобы человек принял её образ и подобие. Но человек есть образ и подобие Бога и не может стать образом и подобием машины, не перестав существовать» [22, с. 36]. И, кажется, он готов перестать.

Индивидуальность, стремление к выделению из толпы, подростковая тяга к самоутверждению и самовыражению (даже у взрослых людей) в мире перемен оказываются объективно сильнее любых традиционных, религиозно-догматических, социокультурных, семейных канонов, убеждений, правил. Как писал М.М. Бахтин, «пафос моей маленькой жизни и бесконечного мира» [2, с. 46]. Перечисленные проявления уникального в человеке восходят, говорил А. Адлер, к неистребимому «стремлению вверх», становлению совершенным существом из существа исконно несовершенного (и не совершённого) [1]. Человек есть существо совершающееся, то есть совершенствующее самого себя. В этом неполнота его назначения в мире, его созидательная амбиция. Человек не желает жить в одном из возможных миров, созданных кем-то для кого-то, он жаждет жизни во всём многообразии «мира миров», в метамире, построенном им самим для себя и (значимых) других. Поэтому общество (ещё не до конца осознанно) стремится «сделать глобализацию достоянием каждого гражданина», источником развития инновационного человека [25]. Отсюда, восприятие молодёжью мирового технологического рывка как расширения индивидуальных возможностей, с которыми большинством и связывается понятие свободы (то есть, «свободы» вне контекста личной, парной или групповой ответственности). Ф.Г. Майленова пишет, что «люди, социально весьма успешные, переживают состояние боли и отчаяния, причин которых не понимают...» [16, с. 143]. Почему? Потому, что безличные

возможности есть лишь интеллектуальная иллюзия свободы, а не сама свобода. Персонализация технологических возможностей не есть гарантия психологической безопасности общества, свободы человека, счастья или справедливости. Наоборот, свобода, счастье и справедливость задают полигон для испытаний любых технологических возможностей общества и государства. Объективная глобализация есть экстерииоризированная форма расширения индивидуального сознания человека: интенсификация его существования, рефлексивное погружение в субъективное, генерирование новых семантических структур, систем, миров, конструирование социальных практик и образа жизни будущего и т. д. Инновационность человека в данном контексте может быть понята как специально развитая система метапрофессиональных свойств личности, характеризующая способность и готовность к самоконструированию. К.В. Сельчёнок назвал это «психодизайном» [26]. Для развития инновационности в указанном понимании, конечно, требуется особая образовательная практика, точнее, практика метаобразования, обеспечивающая наступление субъективной глобализации. Такая практика, безусловно, носит консультативный, развивающий, воспитывающий характер (может включать в себя и другие функции), однако, в первую очередь, это самотворчество. Субъективная глобализация есть интериоризированная форма расширения индивидуального сознания человека, опирающаяся на творческую встречу этого человека с самим собой, таким, каков он есть на самом деле, для построения себя таким, каким он хотел бы быть. В метаобразовании происходит образование целостности глобализации в мире как творческого процесса расширения человеческого сознания, охватывающее человека в совокупности его жизненных миров (экзистенциальный переход). Таким образом, объективно метаобразование означает организацию жизни в метамире, субъективно – переустройство (претворение) индивидуального сознания. На границе этих двух полюсов и возникает то, что было названо метамиром. Следовательно, актуальной психолого-педагогической задачей становится организация практики метаобразования для осуществления субъективной глобализации.

Решение данной задачи возможно лишь в контексте произошедшего во второй половине XX века информационного и политико-экономического «освобождения» человека, особую роль в котором сыграла медиа-культура (СМИ, социальные сети и т. д.) разных стран, изначально носившая коммуникационное значение, соединяя мир в единую глобальную сеть. Медийная культура выстраивалась постепенно как технологическая система передачи смыслов, идей, ценностей, чувств, информации сквозь пространство и время. Электронные социальные сети замкнули эту цепь, организовав целостную виртуальную структуру как особое реляционное поле, где человек ощущал себя «пришельцем из далёкого космоса», и лишь затем стал осваивать этот поистине чуждый и удивительный мир. Для интровертированных личностей, людей, погружённых в себя, глубокомысленных и отчуждённых [32] это ещё один космос, но когнитивный, и более приспособленный под индивидуальную экзистенцию. Медийный мир постепенно стал привычнее и уютнее повседневной суеты окружающей действительности. В нём был выработан полноценный «жизненный цикл», питаемый единством разных сторон реальности. Важно отметить, что медийное поле строилось как технология, а не клуб по интересам, следовательно, перенос в него человеческой жизни, тем более самых значимых её элементов, невероятно сложен и психологически не безопасен. Значит, медийное поле дисгармонично: оно несёт в себе исходную неопределённость в семантическом, аксиологическом, экзистенциальном и иных отношениях. Один из главных героев научно-фантастического кинофильма «Transcendence» (2014) доктор Макс Уотерс, оспаривая создание искусственного интеллекта как оцифровку человеческого, утверждал, что «он не обезьяна!.. Если мы что-то упустим: мысль, детское воспоминание, – как ты поймёшь, с кем имеешь дело?..». Медиа-мир психологически опасен, как, собственно, и всё остальное, требующее риска и личной ответственности.

С.И. Гессен полагал между культурным и духовным уровнями развития человека искусство, как наиболее исторически отработанный медиаторный (проводниковый) слой, обеспечивающий беспрепятственную трансляцию смыслов и

ценностей между жизненными мирами [5]. Культурно-исторические корни искусства [4] позволяли ему быть сложно организованным в той степени, в которой это требовалось отдельным творцам (художникам, писателям и т. п.) для выражения себя и своих идей, и, одновременно, духовно восприимчивым настолько, чтобы заново претворять и созерцать исходное произведение со-творцам (зрителям, читателям и т. п.), обогащая свой духовный мир и универсальное смысловое пространство [7]. Оспаривать статус мировой художественной литературы, архитектуры, живописи никто никогда не осмеливался и не собирался просто потому, что отсутствовали реальные претенденты на их место, способные выступить в качестве конкурентов. Впервые в истории человечества таким конкурентом стал медийный мир, дерзнувший на самоценность, целостность и когнитивную сложность, т. е., попытавшийся заявить о себе как о возможности существования «рукотворного бога», о самом его существовании как онтологической данности. Простота обращения, недогматичность, прагматичность и эффективность медиасреды и медиа-культуры позволили быстро переориентировать миллионы людей на личную и общественную отчуждённость, лживость и профессиональную аморфность. Поэтому медиа-мир изначально есть полупрофессиональное пространство, откуда его скорая геймификация и затянувшаяся индивидуализация [3].

«Легче всего, по оценкам современных работодателей, в настоящее время найти неквалифицированных работников» [20, с. 79]. Существование полупрофессионалов базируется на нескольких исходных принципах: 1) не иметь своего мнения; 2) не говорить лишнего; 3) не противиться начальнику; 4) никогда не бороться за идеалы, в том числе свободу и справедливость; 5) не дышать без приказа. Таким образом, творческое дерзновение среди полупрофессионалов не в цене, их мир есть мир заигравшихся детей, а детство надо отпускать вовремя. Весьма точно это показано у Д. Родари: «Кум Тыква печально сидел на тумбе и щипал себя за бороду. Каждый раз при этом у него в руке оставался клочок волос. В конце концов он решил бросить это занятие, чтобы не остаться совсем без бо-

роды, и начал тихонько вздыхать – ведь вы помните, что у кума Тыквы был большой запас вздохов!» [24, с. 14]. Когда ты долго задерживаешься в детстве, оно начинает задерживать тебя. Сначала ты не позволяешь ему уйти, потом оно не даёт выйти тебе. Детство становится темницей взрослой жизни, сырой и мрачной. Узники детства сами сдались ему в плен, оставив право бороться за будущее. Они хотели остаться в прошлом, сохранить его для себя. Теперь прошлое сохраняет их в себе. Детство не напрасно жаждет свободы, лишь интуитивно сознавая, что она есть (и что она есть такое). Ребёнок жаждет освобождения («восхождения к свободе»), новой жизни в новом мире. Парадокс в том, что его свобода возможна лишь при выходе из детства во взрослую жизнь. Обретение свободы и ответственности связано со взрослением, иначе свобода обращается в рабство. «Что ты, что ты, сынок, – ласково перебил его отец, – да ведь в тюрьме полным-полно честных людей! – А за что же они сидят? Что плохого они сделали? – Ровно ничего, сынок. Вот за это-то их и засадили. Принцу Лимону порядочные люди не по нутру» [24, с. 11]. Возрастная остановка поработщает, пленяет своими прелестями, приковывает к себе. Только возрастное движение освобождает. Детство надо отпускать.

Медиа-мир вызывает наибольший интерес у правительств отдельных стран как новое (виртуальное) пространство, в котором можно «разместить» реальную жизнь отдельного человека. Чаще всего, речь идёт о целенаправленной инфантилизации жизненного мира человека. «Многие считают, что внешнегосударственные группы имеют больше шансов заставить экономику работать в отдельно взятых местах, тем самым подавая пример всей остальной стране» [34, с. 28]. Другие, по-прежнему, уверены, что «правовое государство является... принципом культуры и структуры современного общества» [10, с. 56]. Бесконечные дискуссии о курсе валют, национальной идее, этике мирового профессионального сообщества в той или иной области знания, или междисциплинарном комитете не решают проблем, связанных с медиа-культурой, в силу её собственного отличия от других продуктов человеческой деятельности, например, от упомянутого искусства. Медиа-культура есть система средств, способных подменить собой цель

при определённых условиях. Она отлична от искусства тем, что это квазимедиа-торный (полупроводниковый) слой, то есть находящийся в дисбалансе информационно-инструментальной (языковой) и информационно-терминальной (речевой) сторон коммуникации. Медиа-культура способна «проводить» смыслы, как это делает искусство, но как полупроводник, то есть при специально организуемых условиях. «Человек однажды действительно утвердил все культурные ценности и теперь является связанным ими» [2, с. 34]. Поэтому современное образование уже не может рассматриваться как не-медийное: сама постановка вопроса о медийности напрямую пронзает образовательную сферу глобального информационного пространства. «Функции образования как системы, интегрирующей личность в социум, перешли к телевидению, рекламе, таблоидам» [18, с. 75]. Медиа и образование долго тянулись друг к другу, наконец, они вместе. Вопрос, волнующий представителей той и другой сторон, что дальше?

«Понимание неадекватности системы высшего образования привело к возникновению двухступенчатой технологической схемы: бакалавриат плюс магистратура, что принципиально не изменило ситуацию» [19, с. 49]. Любая бюрократизация образовательного процесса есть полупрофессиональный способ «удержания людей в состоянии детей» [12]. Навязанный инфантилизм, отрицающий всякую ответственность и дерзость. Цепи образования сдерживают каждого, кто, подобно Чиполлино, показывает кавалеру Помидору мошенника в зеркальном отражении [24, с. 11–12]. Ужас и прелесть образования в медийном мире заключаются в его оборотной стороне, постоянно скрытой от нас. Детство надо отпускать, причём, самим взрослым. Дети всё раньше начинают погружаться в медиа-мир, «впитывая» не только содержательный, но и операциональный компоненты. Играя, они обучаются технологии поиска и отбора данных, скорости реагирования на поступивший запрос, различению показателей, проектированию собственных действий и т. д. «Геймификация образования является, по сути, уже свершившимся фактом – равно как и геймификация многих «серьёзных» сфер бизнеса и управления. На наших глазах наступает эпоха тотальной

игры... любая геймифицированная практика начинает превращаться в образование, поскольку внутри игры заложены представления о желательном и нежелательном поведении (т. е. оценка и самооценка), механизмы формирования навыков и самосовершенствования» [15, с. 28]. Отпускание детства не означает окончательного разрыва с ним. Это могут понять только, действительно, повзрослевшие люди, направленные к постоянному саморазвитию. Дети, в естественно-возрастном, или в психологическом смысле этого слова, никогда не отпустят детство, ибо считают себя связанными с ним, прикованными (заметим: не приковывающими себя, пассивное отношение). «Детство» для них есть, используя выражение Бахтина, алиби безответственного существования. Это пассивный залог возможно более лёгкой жизни, или, вообще, отсутствия в ней, имитация живого небытия. «Учащиеся приносят в учебные аудитории ощущение «чуждости» своего тела и эмоциональную неграмотность, которые типичны для нашего общества» [14, с. 348–349]. «Детство» их есть безличное, а порой и бессубъектное существование человека, форма бытия вне собственной жизни, а, значит, вне, собственно, самой жизни, как неразрывно связанной с единичным существованием человека. Бытие вне присутствия безлико, его невозможно переживать как живую жизнь. Не секрет, что стремящихся стать ответственными в мире взрослых всегда беспощадно травил. Ответственное поведение взрослого человека в мире потребления не в цене, оно не безопасно, в первую очередь, для самого общества. Главное, чтобы геймификация не стала очередной мистификацией человеческой жизни, практикой зарабатывания на общественных иллюзиях. Игра делает ребёнка взрослым, порой, даже сверх-взрослым (мудрецом), поэтому А.О. Ольховик предложила целенаправленно применять игровые технологические практики в современном образовании [21]. Творческое озарение в игровой практике субъективно и объективно происходит и у взрослых, и у детей, творческое возгорание – субъективно только у взрослых, ибо требует ответственности за реализацию личных жизненных возможностей, а объективно – только у детей, как изначально невинных в своих деяниях и обретающих высшие ценности и идеалы в процессе игры.

Е.А. Максимова, развивая концепцию транспрофессионального образования, пишет о педагогической «готовности действовать на границе профессиональных областей, в условиях профессиональной мобильности» [17, с. 31]. Следовательно, педагог представляет собой метапрофессионала в уже возникающем метамире. Будучи построенным в медиа-, а не метамире, метаобразование становится сетевой системой непрерывного обращения каждого человека к мировому культурно-историческому опыту, находящемуся в «кликерной доступности». Китайский опыт по самостоятельной сборке детьми компьютерной техники можно считать актом инициации в медиа-мире. Собственно, это означает «переход к обучению, основанному на опыте современной деятельности, исключает значительное число педагогов из высшего образования как не имеющих к этой деятельности никакого практического отношения и что-то знающих о ней в силу обладания специализированными сведениями и специализированной библиотекой» [30, с. 44]. Медийность образования становится реальной преградой для многих представителей педагогического сообщества. Ребёнок уже обогнал учителя, как всегда оказавшись в будущем раньше него.

В целях инновационного развития образования В.А. Стародубцев, А.А. Киселёва предлагают в качестве средства электронного обучения специально организуемые учителем и учениками образовательные блоги по отдельным темам и дисциплинам [29]. Ряд исследователей отмечает возможность использования информационных данных социальных сетей для формирования учебных групп в университете [23]. Исследователи Института научной и педагогической информации РАО видят инновационное образование в контексте компетентностного подхода как реальной силы, преобразующей педагогическую действительность [27]. В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев пишут, что «нужно строить новые образовательные формы, в которых связывается в одно целое и образовательный процесс, и его рефлексия, и совместное обсуждение студентами и преподавателями образовательных ситуаций, включая собственные и совместные исследования, проектирование и самоопределение» [9, с. 403]. В любом случае, «инновационное образование должно строиться исключительно на рефлексивной позиции,

используя опыт предыдущих лет обучения. Оно должно быть компактно по времени и содержательно по сути» [30, с. 45]. Образование было и остаётся, по точному определению В. Е. Дерюги, «путём человека в культуру» [6], или Е.Г. Осовского, «путём к самообразованию» [там же]. Оно невозможно без личной свободы. В рамках Фестиваля актуального научного кино «!ФАНК», прошедшего в ряде вузов страны в конце 2015 года, был показан научно-популярный видеофильм Му-Минг Цайя «Создатель» (2014). В нём изложена становящаяся популярной научная концепция «социального ремесленника», который не только производит вещи, но и взаимодействует с людьми, что позволяет индивидуализировать технологическое творчество, организуя специальные группы по серийному производству оригинальных продуктов, систему их пиара и массовых продаж. Медиа-культура, обрастая новыми функциями, становится всё более простым в применении повседневным явлением. Герои фильма называют это третьей промышленной революцией, освобождением оригинальных идей и новых возможностей всего общества. Похоже, «создатели» забывают о массе психологических проблем, связанных с проявлением тревожности, агрессии и насилия, садизма и мазохизма, сексуальными извращениями, убийствами и т. д. Чистые возможности не обеспечивают свободу человека, свобода им не тождественна. Человеческое «я» очень много желает и может, но не всегда понятно, для чего ему это. Свобода предполагает уже включённую в неё ответственность, определяемую через ценности, смыслы и долженствование перед самим собой, таким, каков ты есть на самом деле, поэтому свобода невероятно честна. В отличие от существующей системы, метаобразование есть путь человека в метакультуру, которая, при всей оригинальности своего развития, потенциально есть макрокосм мирового информационного, технологического, аксиологического и семантического полей, заданного человечеством и поддерживаемого современной цивилизацией. Речь идёт об онтологической платформе будущего метамира. Значит, практика метаобразования способна к осуществлению онтологического пе-

рехода медийного мира в метамир, но семантическая печаль сплетает аксиологические ветви древа жизни в эстетическом безобразии технологического жонглёрства.

Развивая концепцию антиномистического монодуализма, С.Л. Франк выделил отличительные черты реальности в сравнении с действительностью: металогичность, трансдефинитность, трансфинитность и трансрациональность [31]. Следовательно, расширение индивидуального сознания есть экзистенциальный сдвиг к миру глобальной неопределённости, метамиру, а, через него, к мета-жизни, новому качеству бытия всего живого. Интересно, что единство описанных Франком черт обрисовывает принципиально неопределённую область творчески возможного и экзистенциально заданного, имеющую, кроме ценностно-интенциональной, духовно-семантическую часть, существующую нелинейно (многомерно и многомирно). Удивительно, как это описание перекликается с идеями М.М. Бахтина о конкретности и личной связности человеческой ответственности со всем бытием через «долженствующую единственность»: «Ответственный поступок и есть поступок на основе признания долженствующей единственности... Только не-алиби в бытии превращает пустую возможность в ответственный действительный поступок (через эмоционально-волевое отнесение к себе, как активному)... ибо действительно быть в жизни – значит поступать, быть не индифферентным к единственному целому» [2, с. 40]. Отсюда, из этой незафиксированной в неопределённости точки металогического трансрационального рассмотрения несказанного, не видимого привычным взором (в том числе научным), метаобразование представляется образовательной метатехнологией целостного «онтологического дизайна» человека будущего [19]. Сама эта точка представляется условно избранной, но, при этом, именно на неё осуществляется мощная опора в неопределённости, задающая, как бы, второй полюс бытия относительно личности, провоцируя творческую искру. Механизмы, обеспечивающие этот процесс, сходны с механизмами творческого акта, возможно, речь идёт об одном и том же. Важна принципиальная ответственность, которую человек берёт на себя, приступая к образованию в мире неопределённости. Это

даёт ему новую (умудрённую) свободу: «Жизненная позиция и характерная черта человека, непричастного к мудрости: он ожидает пользы или вреда не от самого себя, а от внешних обстоятельств. Жизненная позиция и характерная черта философа: всякую пользу и вред он ждет от самого себя» [33, с. 80]. Причастность к своей судьбе, своим поступкам. Это означает причастность («не-алиби») своему образованию (самообразованию), постоянное присутствие в своей жизни. Метаобразование возможно лишь как творчество, вернее, самотворчество, свободный акт взаимодействия с неопределённостью будущего. Детство надо отпускать с возможностью сохранения мечты.

Метаобразование складывается (случается) в момент встречи образующего и образуемого, в момент их экзистенциального соприкосновения. Д.А. Леонтьев, описывая практику жизнетворчества как прогнозирования будущего клиента в психологическом консультировании, обеспечения его поддержки в новой для него жизни, отмечал её связь с личной ответственностью и творчеством [13]. Стоит добавить, что творчество в данном контексте, конечно, со-творчество и не всегда со-зидание. Однако, это по-прежнему соответствует воззрениям Франка и Бахтина, придавая им экзистенциальный ракурс. Таким образом, жизнетворчество можно рассматривать как реальный прототип проектирования социально-психологической, педагогической, акмеологической практики самозидания (самоконструирования) как достраивания себя в метаобразовании. Это позволяет осуществить мысленный перенос ряда педагогических практик групповой работы из образовательной действительности и соединить их (событийно) с психологическими и прогностическими, в онтологическом дизайне. Таким образом, в метаобразовании речь идёт о расширении реальности для отдельного человека, в первую очередь, его субъективной реальности. Отпуск детства имеет свой лимит. Метаобразование открывает пути не только для осознания экзистенциальных данностей, но (и это главное) экзистенциальных заданностей жизни, обеспечивая наступление субъективной глобализации. Детство надо отпускать ответственно, что означает принятие экзистенциальных возможностей, их раскрытие в индивидуальном жизненном пути, в реализации цели жизни.

Список литературы

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии / А. Адлер; пер. В. Боковиков. – М.: Академический проект, 2015. – 240 с.
2. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов / М.М. Бахтин; под ред. С.Г. Бочарова, Н.И. Николаева. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 962 с.
3. Валуев О.С. Инновационность в мире полупрофессионалов / О.С. Валуев // «Профессиональное образование: отечественный опыт и международные практики», VII Междунар. науч. чтения (2015; Москва). VII Международные научные чтения «Профессиональное образование: отечественный опыт и международные практики», 19 октября 2015 г.: Материалы / Под науч. ред. Т.Ю. Ломакиной. – М.: ФГБНУ «Институт стратегии развития РАО», 2015. – С. 119–122.
4. Выготский Л.С. Психология искусства / Л.С. Выготский. – М.: Книга по Требованию, 2012. – 480 с.
5. Гессен С.И. Педагогические сочинения / Сост.: Е.Г. Осовский, М.В. Богуславский, О.Е. Осовский. – Саранск: Красный Октябрь, 2001. – 564 с.
6. Дерюга В.Е. Базовые категории педагогики: человек, воспитание, образование, культура: Лекция по нормативному курсу «Педагогика: общие основы педагогики» / В.Е. Дерюга. – Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2010. – 22 с.
7. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт / В.П. Зинченко. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 592 с.
8. Ильенков Э.В. Об эстетической природе фантазии. Что там, в Зазеркалье? / Э.В. Ильенков. – М.: Либроком, 2011. – 128 с.
9. Исаев Е.И. Психология образования человека: становление субъектности в образовательных процессах: Учебное пособие / Е.И. Исаев, В.И. Слободчиков. – М.: ПСТГУ, 2013. – 432 с.
10. Кадакин В.В. Культурное измерение гражданского общества и парламентаризма / В.В. Кадакин, Е.А. Мартынова, Г.Г. оглы Зейналов // Гуманитарные науки и образование. – 2013. – №2 (13). – С. 55–59.

11. Кожевникова М.Н. Язык педагогики / М.Н. Кожевникова // Вопросы образования. – 2014. – №3. – С. 283–300.
12. Леви В.Л. Коротко о главном / В.Л. Леви. – М.: Торобоан, 2010. – 480 с.
13. Леонтьев Д.А. Жизнетворчество как практика расширения жизненного мира / Д.А. Леонтьев // 1-я Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.С. Мазур, А.И. Сосланда. – М.: Смысл, 2001. – С. 100–109.
14. Лобб М.С. Сейчас-ради-потом в психотерапии: гештальт-терапия, рассказанная в обществе эпохи постмодернизма / М.С. Лобб. – Ростов н/Д.: Феникс, 2015. – 366 с.
15. Лукша П. Будущее образования: глобальная повестка. Краткое изложение результатов: доклад / П. Лукша, Д. Песков; Форсайт образования на Educamp 2010, Форсайт-Пароход 2012, Форсайт компетенций 2012, Глобальный форсайт образования 2013, Форсайт-флот 2013. – М.: CC BY RF Group, 2013. – 56 с.
16. Майленова Ф.Г. Выбор и ответственность в психологическом консультировании / Ф.Г. Майленова. – М.: КСП+, 2002. – 416 с.
17. Максимова Е.А. Перспективы и трудности транспрофессиональной подготовки / Е.А. Максимова // Гуманитарные науки и образование. – 2013. – №1 (13). – С. 28–32.
18. Мир – 2050: долгосрочные сценарии развития / Под общ. ред. С. Перелегина, Н. Ютанова, А. Желтова. – СПб.: Конструирование будущего, 2007. – 120 с.
19. Научно-технологическое прогнозирование. Ч. 2. Технологические пакеты и сценарная гипотеза развития новых технологий / Под общ. ред. Н. Куклиной, Н. Ютанова. – М.: Курчатовский институт, 2009. – 56 с.
20. Ольховик А.О. Качественный анализ потребности в квалифицированных кадрах в вологодской области (на примере молодых специалистов) / А.О. Ольховик // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – №8 (61). – С. 79–82.

21. Ольховик А.О. Теоретико-игровая интерпретация особенностей взаимодействия учреждений высшего образования / А.О. Ольховик // «Актуальные вопросы экономики, менеджмента и финансов в современных условиях», междунар. науч.-практ. конф. (2015; Санкт-Петербург). Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы экономики, менеджмента и финансов в современных условиях», 14 января 2015 г.: Материалы. – СПб.: Инновационный центр развития образования и науки, 2015. – С. 187–190.

22. Педагогическая публицистика Российского Зарубежья / Сост.: Е.Г. Осовский, В.П. Киржаева, О.Е. Осовский; МГПИ имени М.Е. Евсевьева. – Саранск, 2006. – 560 с.

23. Пронин А.С. Формирование учебных групп в университете с помощью анализа социальных сетей / А.С. Пронин, Е.В. Веретенник, А.В. Семёнов // Вопросы образования. – 2014. – №3. – С. 54–70.

24. Родари Д. Приключения Чиполлино / Д. Родари; пер. З. Потаповой. – М.: Государственное издательство Детской литературы Министерства просвещения РСФСР, 1955. – 106 с.

25. Родина Е.Н. Феномен «инновационной личности» в современном обществе / Е.Н. Родина // В мире научных открытий. – 2013. – №1–1. – С. 185–196.

26. Сельчёнок К.В. Конструирование предстоящего. Руководство по психодизайну / К.В. Сельчёнок. – Минск: Харвест, 2006. – 624 с.

27. Современное образование как открытая система: Монография / Под ред. Н.Г. Ничкало, Г.Н. Филонова, О.В. Суходольской-Кулешовой. – М.: Институт научной и педагогической информации РАО, 2012. – 576 с.

28. Старикова Е.П. Метафора технокультуры / Е.П. Старикова // В мире научных открытий. – 2010. – №4–12. – С. 83–85.

29. Стародубцев В.А. Блог как средство электронного обучения / В.А. Стародубцев, А.А. Киселёва // Высшее образование в России. – 2014. – №7. – С. 86–92.

30. Сценирование технологического развития. Ч. 1. Сценарии технологического развития. Методология неизбежного будущего и эволюция современных

технологических пакетов / Под общ. ред. Н. Куклиной, Н. Ютанова. – М.: Курчатовский институт, 2009. – 48 с.

31. Франк С.Л. Непостижимое: онтологическое введение в философию религии / С.Л. Франк. – М.: АСТ, 2007. – 506 с.

32. Фромм Э. Человек для себя / Э. Фромм; пер. Л.А. Чернышевой. – М.: Хранитель, 2006. – 314 с.

33. Эпиктет. Энхиридион (Краткое руководство к нравственной жизни); Симпликий. Комментарий на «Энхиридион» Эпиктета. – СПб.: Владимир Даль, 2012. – 399 с.

34. X Междисциплинарная конференция «Форум будущего». Управление мифами: поиск нового видения технологического будущего и возвращение научной фантастики. Глобальные тенденции – 2030: альтернативные варианты будущего [текст] / Национальный совет по разведке США (2012); пер. И. Андреев, Я. Кельтский. – СПб.: Конструирование будущего, 2013. – 28 с.

Валуев Олег Сергеевич – аспирант, ассистент кафедры психологии ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева», Россия, Саранск.
